

ИСКУССТВО ВОЙНЫ

**ВОЕННАЯ
МУДРОСТЬ**

Эрих Людендорф

Тотальная война

**Выход
из позиционного
тупика**

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 94(100)“1914/18”
ББК 63.3(0)5
Λ93

Людендорф, Эрих.

Λ93 Тотальная война. Выход из позиционного тупика / Эрих Людендорф ; [перевод с немецкого]. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 896 с.

ISBN 978-5-9955-1158-8

Именно заместитель начальника генштаба кайзеровской армии нашел выход из позиционного тупика – «мясорубки», перемалывавшей солдат, и спланировал самое успешное наступление Первой мировой. В этой книге впервые собраны как теоретические мысли Эриха Людендорфа (1865–1937), так и его знаменитые воспоминания. В них он беспристрастно разбирает все сражения Великой войны, в которых участвовал и которые планировал.

УДК 94(100)“1914/18”
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-9955-1158-8

© ООО «Яуза-пресс», 2023

МОЙ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ И ДЕЙСТВИЙ

I

Внезапное нападение на Льеж открыло ряд германских побед. Дело было смело задумано и дерзко выполнено.

Огромный результат осенней кампании на Восточном фронте 1914 и 1915 годов, а также летней 1916 года превосходили все подвиги в истории всех времен. Они поставили величайшие требования как к вождям, так и к войскам. Русские войска были намного сильнее, чем сражавшиеся против них германские и австро-венгерские армии.

Война, которую с 29 августа 1916 года, со дня нашего вступления в высшее командование, пришлось вести генерал-фельдмаршалу фон Гинденбургу и мне, принадлежит к самым трудным во всей мировой истории. Более ужасной и более потрясающей еще никогда не видел земной шар. Германия, со слабыми союзниками, должна была бороться против подавляющих сил всего мира. Надо было принимать невероятно тяжелые решения. Они вытекали с принудительной последовательностью из общей обстановки, из нашего понимания войны и из сущности этой войны.

Армии и флоты боролись друг с другом, как и раньше, но боевые силы и военные средства сильно увеличились.

Народы же иначе относились к этой войне, чем к предыдущим; они стояли сомкнутой массой позади своих боевых сил и подпирали их. Только Франция уже представляла подобную картину в 1870–1871 годах.

В этой войне уже нельзя было отличить, где начиналась мощь армии и флота и где кончалась мощь народа. И вооруженные силы, и народ составляли одно целое. Мир увидел войну народов в буквальном смысле этого слова. С этой объединенной мощью стояли друг против друга самые могущественные государства нашей планеты. К борьбе против неприятельских вооруженных сил на огромных фронтах и далеких морях присоединилась борьба с психологией и жизненными силами вражеских народов с целью их развалить и обессилить.

Вести войну и давать бои, имея численное превосходство, легко и связано с малым риском. Но ни генерал-фельдмаршал, ни я ни разу не попадали в такое положение в течение первых трех лет войны. Таким образом, нам не оставалось другого выхода, как вести войну, как это нам диктовали долг и наша совесть, и брать на свою ответственность то, что мы считали необходимым для достижения победы. Успех в то время был на нашей стороне.

В марте 1918 года мы перешли в наступление при столь выгодном соотношении сил, как это ни разу еще не представлялось в эту войну для Германии. Но этих сил оказалось достаточно только для больших побед, а не для быстрого общего решения. Германия стала ослабевать, в то время как противник усиливался.

II

Эта мировая война, война народов, предъявляла к нам, немцам, невероятные требования и давила нас всей своей тяжестью. Чтобы выиграть войну, каждый из нас в отдельности должен был отдать последнее. Мы должны были в прямом смысле слова бороться до последней кап-

ли крови и пота и притом сохранять бодрость и стремление к победе. Это тяжелое требование было обязательно, несмотря на нужду, которую создавал нам противник, несмотря на ломящуюся к нам неприятельскую пропаганду, которая была столь сильна, хотя внешне и оставалась незаметной.

Как дуб растет, пустив корни в германскую почву, так армия и флот питаются и поддерживаются своим отечеством. Они живут своей родиной и черпают из нее свои силы. Они являются потребителями, но не производителями и должны вести борьбу теми духовными, материальными и психологическими силами, которые дает им родина. Эти силы были нужны армии и флоту, чтобы победить, чтобы верно выполнить свой долг, чтобы самоотверженно жертвовать собою в ежедневной борьбе и в испытаниях войны. Они одни могли обеспечить Германии окончательный успех. Этими силами отечество вело титаническую борьбу со всем миром при помощи союзников и используя в соответствии с международным правом средства занятых областей.

Следовательно, родина должна была постоянно давать армии и флоту новую духовную упругость, людей, военное снаряжение и непрерывно их обновлять и возрождать.

Твердость духа и воля к войне должны были закрепляться на родине. Горе нам, если здесь произойдет ущерб. Чем дольше длилась война, тем грознее увеличивалась здесь опасность, и одновременно тем больше становилась потребность армии в духовной и нравственной поддержке.

Персональные и материальные силы отечества должны были быть до крайности напряжены и предоставлены для ведения войны.

Для родины это были весьма трудные задачи. Родина служила не только фундаментом, на котором покоились наши славные боевые силы и в котором нельзя было допустить ни малейшей трещины, но также источником,

который должен был содержаться прозрачным и чистым и в то же время мощным, чтобы он мог укреплять нервы армии и флота и вновь возрождать их силы. Народ нуждался во внутренней устойчивости, она одна делала его способным длительное время отдавать свои силы армии и флоту. Народные и боевые силы так тесно внутренне переплелись между собой, что стали неразделимыми. Боеспособность частей на фронте была в тесной зависимости от боеспособности народа внутри страны. На родине создались работа и жизнь для войны, едва ли имевшие когда-либо место в истории. Правительство и ответственный имперский канцлер должны были руководить этой жизнью и работой и содействовать их процветанию.

Рядом с этим выростала вторая крупная задача ведения войны: борьба на внутреннем неприятельском фронте. Неужели Германия не должна была прибегнуть к этому могучему средству борьбы, действие которого она ежедневно испытывала на себе? Неужели не надо было подтачивать моральные устои неприятельских народов, как этого, к сожалению, так успешно достигал у нас противник? Эту борьбу надлежало вести, во-первых, из родины через нейтральные государства и, во-вторых, через линию фронта. Правда, германская пропаганда не располагала могущественным вспомогательным средством — продовольственной блокадой населения неприятельских государств.

Служа делу народа, правительству предстояло разрешить трудную задачу, чтобы счастливо окончить войну. Ни к одному германскому правительству не предъявлялось больших требований, чем те, которые появились, когда императору были предоставлены сплоченные силы германской нации для победы на полях сражения и для борьбы против духа и настроения неприятельских народов. Работа и действия правительства приобрели решающее для войны значение. Никогда еще так не требовалось, чтобы правительство, рейхстаг и народ всецело отдались

идее войны. Силы для ведения войны исходили из родины и изливались на неприятельском фронте.

Великая цель — прийти к заключению мира — могла быть достигнута только энергичным ведением войны. Таким образом, правительство, работая для войны, прокладывало одновременно пути к миру, непосредственное заключение которого являлось следующей великой задачей.

Вскоре после нашего вступления в верховное командование генерал-фельдмаршал и я выяснили положение и сообщили имперскому канцлеру наши воззрения на потребности как армии, так и флота и выяснили вытекающие из этого задачи для страны. Мы призывали его к совместной работе по войне и были полны надежд, несмотря на угрожающую серьезность положения.

Правительство приветствовало наше вступление в высшее командование. Мы с полным доверием пошли ему навстречу. Но вскоре два мировоззрения, представляющие взгляды правительства и наши, начали вести борьбу друг против друга. Это противоречие было для нас тяжелым разочарованием и невероятным бременем.

В Берлине не могли усвоить наших представлений о военной необходимости; там не было той железной воли, которая охватывала бы весь народ и сводила бы всю жизнь, все думы к одной мысли: война и победа. Великие демократии Антанты постигли этого. Твердая сила воли Гамбетты в 1870–1871 годах, Клемансо и Ллойд Джорджа в эту войну заставила их народы отдать свои силы для достижения победы. Эти целесообразные усилия Антанты и ее решимость уничтожить нас не были в полной своей остроте поняты нашим правительством. В этом нельзя сомневаться. Вместо того чтобы сосредоточить для войны все находящиеся в распоряжении силы и довести их до крайнего напряжения с целью достичь мира на поле сражения, что обуславливалось сущностью войны, в Берлине избрали другой путь. Все больше и больше говорили о примирении и соглашении; народ не получал сильного воинствен-

ного импульса. В Берлине предполагали или обольщались следующим: вражеские народы жадно прислушиваются к словам, сулящим примирение, и принудят свои правительства к заключению мира. Так мало знали в Берлине дух вражеских народов и их правительств, с их сильным национальным чувством и стальной волей. Берлин ничему не научился из истории прошлого. Чувствовалась только собственная слабость в оценке психологии противника, утрачивалась надежда на победу, и мы упирались в тупик. Стремление к миру превышало желание биться для победы. Но найти дорогу к миру, при наличии желания противника уничтожить нас, было невозможно. А время повести народ по трудной дороге победы было упущено.

Рейхстаг и народ в большей их части горячо желали идти по такому пути, но не будучи направлены на него, покатались вместе с правительством по наклонной плоскости. Существеннейшие вопросы войны все больше и больше отодвигались в сторону. Внутренняя политика и мысли о собственном «я» их заглушили. Так случилось, на несчастье отечества.

Возможно, что революция, которая теперь потрясает всю Европу, приведет к новому мировому устройству и создаст более чистые взгляды и чувства у народов на справедливость и примирение человечества. Однако условия перемирия и заключения мира противоречат таким взглядам. Во всяком случае, в то время, когда я был первым генерал-квартирмейстером, мир еще не изменился.

Верховное командование придерживалось той же точки зрения, которую высказал президент Вильсон в ноябре 1918 года, когда он проводил большую программу американского флота: он считал неблагоприятным, если бы Америка при составлении своей программы развития флота считалась с будущей мировой политикой, когда относительно этой мировой политики еще не последовало никакого решения.

В ноябре же 1918 года в том же смысле писал председатель солдатского комитета Четвертой армии:

«Возможно, что в некоторых головах революция конструируется из идеалов. Но кто стоял лицом к лицу с противником, должен признать, что мирозерцание Антанты в данный момент еще проникнуто материализмом».

Теперь это ясно удивленному и обманутому в своих идеалах миру. Но одураченный германский народ расплачивается за этот обман своей жизнью.

Верховное командование руководствовалось концепцией, согласно которой пусть мир сначала переменится и тогда мы сможем сложить оружие и думать о соглашении. В противном случае можно было с уверенностью сказать наперед, что мы понесем ущерб. Пальма мира не является оружием против меча. Пока люди и, в частности, наши противники оставались таковыми, каким человечество было до сих пор, и для немцев, и во всяком случае для генерал-фельдмаршала, и для меня, как ответственных военных вождей, это означало крепко держать в руках меч и постоянно его вновь оттачивать.

Ввиду этого нашей серьезнейшей обязанностью по отношению к правительству было решительно добиваться удовлетворения требований, предъявляемых войной, которые мы считали необходимыми.

Во всех случаях верховное командование обращалось к властям, установленным конституцией. Война в каждый момент требовала от нас быстрых и масштабных решений, настойчивой решительности. Но в Берлине оставались в привычной колее. Ответы, даже по важнейшим вопросам, задерживались иногда по неделям. Необыкновенная волокита берлинских властей и непонимание ими требований войны обостряли тон сношений. Мы сожалели об этом. Но у нас был пожар в душе. Быстрота действий была необходима, так как надо было предотвратить непоправимое зло.

В мирное время голос правительства был решающим для всех властей. Министерство иностранных дел чувствовало себя стоящим выше всякой критики. Государственные правители с трудом могли привыкнуть к мыс-

ли, что с началом войны Высшее военное командование образовало новый центр, который не только разделял ответственность с государственным канцлером, но и выносил на себе невероятные трудности. Высшее командование тем решительнее должно было действовать, чем меньше решительности оно встречало в Берлине. Мне было бы очень приятно, если бы и правительство ясно осознало это из предшествующего периода. Положение генералов фон Мольтке и фон Фалькенгайна по отношению к правительству было, в сущности, таковым же, как положение генерал-фельдмаршала и мое. Правительство шло своей дорогой и не считалось с пожеланиями высшего командования, раз оно что-либо наметило выполнить. Но не исполнялось многое из того, на что указывалось как на неотложное и необходимое в интересах ведения войны.

В некоторые вопросы высшему командованию пришлось вмешиваться уже с самого начала войны. В ущерб ведению войны, исключительно самостоятельности военного ведомства были предоставлены широкие вопросы печати, цензуры, борьба с неприятельским шпионажем и саботажем внутри страны, а также обезвреживание сил, работавших во время войны с целью опрокинуть государственный порядок. Неясность в компетенции и недостаток личного состава тормозили инициативу соответственных учреждений. Глубокое чувство ответственности толкнуло генеральный штаб на творческую работу. Генеральный штаб был в состоянии раньше других учреждений покрыть недостаток в личном составе хорошо образованными офицерами запаса. Благодаря этому руководство перешло в руки генерального штаба. Осуществление же часто оставалось в руках гражданских властей. Граница, за которой компетенция отходила целиком к ответственным властям, была неясна. Трения были неизбежны. Этого бы не было, если бы внутри страны было установлено ясное и решительное управление, о чем часто ходатайствовало верховное командование.

III

Когда я был первым генерал-квартирмейстером, на меня лично часто выпадала обязанность отстаивать перед правительством требования верховного командования.

О личностях и партиях в политике я не заботился. Те партии, которые все время твердили о соглашении, вместо того чтобы развивать в нации волю к войне, не шли навстречу предъявляемым высшим командованием требованиям. Правительство было с ними согласно. Таким образом, правительство и партии большинства были заодно и внутренне не признавали меня, с моими солдатскими мыслями и желаниями.

Ясно, что я находил больше сторонников в тех партиях, которые подобно мне считали, что при наличии воли противника уничтожить нас соглашение невозможно, и ввиду этого стояли за необходимое развитие энергии в ведении войны. Я никогда к ним не обращался, но они доверяли мне. Это было ориентирующееся вправо меньшинство. Благодаря этому другие партии признали меня «реакционером», хотя я думал только о ведении войны. Если бы соответствующие взгляды были представлены в демократических партиях, то я нашел бы сторонников и в их среде, и тогда, вероятно, правые объявили бы меня «демократом», что, между прочим, со стороны правых имело место довольно часто.

Но я ни «реакционер», ни «демократ». Я стою единственно за благосостояние, за культурное процветание и за национальную силу германского народа, за авторитет и порядок. На эти столбы опирается будущее отечества. Во время войны моей целью были крайняя энергия в ведении войны и обеспечение военных интересов и столь же важных экономических возможностей также и на период после войны.

Бездействие руководителей государства в некоторых вопросах создавало для меня нежелательное положение. Недоброжелатели, а иногда и слишком усердные друзья

все более втягивали меня в партийные разногласия без малейшей с моей стороны к тому склонности, без каких-либо моих выступлений. Мои действия вырывались из общей последовательности и искажались. То, что я делал, то, что я говорил, приобретало неприсущее им освещение. Неясные, ни на чем не основанные утверждения получали дальнейшее распространение. Со своим солдатским, открытым мышлением я сначала ограничивался одним пожатием плечами: это было столь несущественно по сравнению с великой задачей, над которой я работал. Позднее я сожалел об этих явлениях, но не мог ничего изменить. Я неоднократно повторял печати просьбу — мною не заниматься. Я был к тому же слишком занят, чтобы самому занять определенное положение. Мне не хватало также «кафедры», с которой я мог бы высказываться. Кроме того, я ожидал от германского народа большего понимания жестокой действительности. Правительству же удобно было иметь громоотвод. Вместо того чтобы выступить в мою защиту, оно ничего не делало против начавшейся травли, выставляло меня диктатором, примешивало ко всему верховное командование и обостряло тем самым настроение по отношению ко мне. Это общая картина. Имперские канцлеры, доктор Михаэлис и граф фон Гертлинг, были далеки от такой политики, но тяжелое несчастье уже нагрело. При том положении, которое я занимал, это имело последствием беду для всей нации.

На верховное командование и, в частности, лично на меня возлагалась все большая ответственность за всякое зло. Так, например, со мной связали и всю неизбежную тяжесть, все несообразности германской продовольственной системы, на меня указывали как на ее инициатора и виновника. Но ни генерал-квартирмейстер, ни генерал-интендант, ни я не имели никакого отношения к заготовке продовольствия для страны. Оно всецело находилось в руках военного министерства и продовольственного управления, созданного на время войны.

После моего ухода социал-демократические вожди возлагали на меня ответственность за нарушение командующими корпусными округами права собраний.

Это уже находилось совершенно вне моей компетенции. Вот, может быть, еще более характерный случай.

Зимой 1916/17 года на меня выпали заботы, вызванные расстройством транспорта и недостатком угля. Главная ошибка заключалась в том, что до моего вступления в верховное командование об этом недостаточно заботились. В феврале 1917 года я настоял на установлении должности комиссара по углю. К сожалению, сразу не нашлось подходящего лица. Лишь позднее последовало подходящее назначение. Летом 1917 года верховным командованием 50 000 углекопов было уволено с фронта. В зиму 1917/18 года с отоплением домов дело обстояло более удовлетворительно, чем в предыдущую. Верховное командование достигло этого решительными мерами, однако его не только не поблагодарили, но и не отнесли это улучшение на его счет, хотя верховное командование в нем, несомненно, было более повинно, чем в кризисе предыдущей зимы. Признание этой заслуги не отвечало ходу мышления тех, кто возбуждал против меня недовольство, а также лиц, которым была известна истина и которые тем не менее пассивно относились к кампании против меня.

При огромной ответственности, которая лежала на мне, я жаждал окончания военных действий; иначе это и быть не могло. Я часто высказывался в этом смысле. Однако нужно было достигнуть таких условий мира, которые обеспечивали бы жизненные интересы отечества. В противном случае война была бы проиграна. Я считал мир возможным только в том случае, если бы у противника мирные настроения также брали верх. Одностороннее подчеркивание нашей готовности к миру представлялось мне опасным.

У меня было убеждение, что если о мире говорить и жаждать его всем сердцем, то мира долго не удастся

добиться. Пацифистская мысль о «соглашательском мире» у многих была оружием против нас же. Многие искренне думали, что стремление к нему свидетельствует о высоком идеализме, который до сих пор еще не нашел себе осуществления в этом мире борьбы. Но знали ли защитники такого мира, что и противник одного с ними мнения? А если нет, то не было ли ясно, что распространением идеи, что мир соглашения может быть заключен нами в любой момент, накликалось огромное несчастье: если брать людей таковыми, какие они есть, эта мысль решительно ослабляла волю к войне, которую надо было всемерно укреплять. Они заставляли наш народ жаждать мира, но не вызвали стремления к миру у противника. Они этим только воздвигали препятствия на пути к миру, так как Антанта оценивала наше положение и его использовала; они этим затрудняли также и стремление высшего командования склонить противника к миру теми средствами, которые одни ведут к нему на войне. Несмотря на весь свой идеализм, они виновны в несчастье отечества.

Неприятель держал себя так, что я не знаю ни одного момента, которым мы могли бы воспользоваться для заключения умеренного, справедливого и безобидного мира. Все, что по этому поводу распространялось устно и в печати, — неверно. Правительство ни разу не указало высшему командованию на возможность заключить мир.

Конечно, мы в любой момент могли бы заключить такой мир, какой нам пришлось заключить теперь. Но какой имперский канцлер, какой государственный человек, какой по-немецки мыслящий деятель остановил бы на нем свой выбор? Возможности другого мира не представлялось, это должны были твердо знать, и раз война уже началась, мы должны были бороться до победного конца.

Граф Чернин, хотя и утаивает правду, в конце концов сходится со мной во взглядах. В своей речи 11 декабря 1918 года он сказал:

«Положение было все время таково, что мы могли бы предложить мир, связанный с крупными потерями, в осо-

бенно для нас выгодный момент войны, и тогда могли бы иметь, может быть, надежду, что противник на него пойдет. Но чем блестящее были военные успехи, тем требовательнее становились германские военные, и менее всего было возможно после крупной победы склонить их к политике отречения.

В общем, я полагаю, что за все течение этой войны момент, в который такая попытка действительно имела бы возможность успеха, представился только один раз, а именно после знаменитого сражения у Горлицы»¹.

Сражение у Горлицы было в мае 1915 года. Таким образом, позднее, по мнению графа Чернина, возможность заключить мир не представлялась даже при условии значительных жертв. Но если бы такая возможность представлялась действительно в мае 1915 года или позднее, не только все германские военные, но весь германский народ отклонил бы такой мир, пока он в гордой вере в себя чувствовал силы для борьбы! Государственные люди должны были бы закалять эту самоуверенность и эти силы, чтобы сделать отечество способным одержать победу и спасти его от поражения с его неизмеримыми потерями. Воля неприятеля не давала нам возможности выбора среднего пути; в таком случае наше желание или нежелание мира не играло никакой роли. Воля же противника еще не была сломлена; если бы этого удалось окончательно добиться военной победой, то тогда дипломаты могли бы говорить о безобидном мире, если бы они тогда этого еще продолжали желать.

IV

Генерал-фельдмаршал и я проработали четыре года в полной гармонии, как будто бы были одним человеком. Я видел с глубоким внутренним удовлетворением, что он становится для германского народа идеальным образом

¹ Прорыв фронта на Дунайце весной 1915 г. — *Примеч. ред.*

этой войны и каждому отдельному немцу представляется олицетворением победы.

Генерал-фельдмаршал предоставлял мне разделять его славу. 2 октября 1917 года, на празднестве его 70-летия, он выразил это особенно глубоко прочувствованными словами.

Полководец несет ответственность. Он ответственен перед всем миром и, что еще тяжелее, перед самим собою, перед своею армией и отечеством. Как начальник штаба и первый генерал-квартирмейстер, я разделял с ним ответственность и отдавал себе в этом все время ясный отчет. Я отвечаю за все свои действия.

Наши стратегические и тактические взгляды совершенно сливались, и сама собою отсюда вытекала гармоническая, основанная на взаимном доверии работа. Выяснив вопросы с моими сотрудниками, я коротко и ясно докладывал генерал-фельдмаршалу мои мысли относительно обстановки и руководства всеми операциями, делая при этом вполне конкретные предложения. Я получал то удовлетворение, что генерал-фельдмаршал, начиная от Танненберга и до моего ухода в октябре 1918 года, всегда соглашался с моим мышлением и одобрял мои проекты приказов.

Мы одинаково смотрели на характер этой войны народов и на вытекавшие из него следствия. Одинаковы были и наши взгляды на заключение мира. Генерал-фельдмаршал, как и я, стремился обеспечить безопасность германского народа от новых нападений. Он, как и я, лично выступал по этим вопросам.

Те, кому авторитет генерала-фельдмаршала стоял и в будущем мог стоять поперек дороги к достижению эгоистических целей, пробовали провести грань между генерал-фельдмаршалом и мною. Его личность не решались затрагивать и обращали свои усилия против меня. Пытались установить различие между мышлением и действиями генерал-фельдмаршала и моими: он олицетворял доброе начало, я — злое. Те, кто это распространял,

должны были бы, по крайней мере, заставлять генерал-фельдмаршала хотя бы разделять ответственность за это мнимое зло, иначе они подрывали его положение и делали из него человека, не обладающего теми высокими качествами, которые они у него предполагали и которые действительно были ему присущи.

Слава генерал-фельдмаршала крепко укоренилась в сердцах германского народа.

Я его глубоко почитал, верно ему служил и ценил его высокий образ мыслей, его преданность императору, его готовность брать на себя ответственность.

V

Моя жизнь была работой для отечества, для императора и для армии. В течение четырех лет военных действий я жил только для войны.

Мои дни текли размеренно. Пока я был начальником штаба на Востоке и непосредственно руководил войсками, все приноравливалось к требованиям военной обстановки.

Будучи первым генерал-квартирмейстером, в спокойные периоды около 8 часов утра я был уже на службе. Генерал-фельдмаршал приходил приблизительно часом позже, и мы коротко обменивались мыслями о военных событиях, о предположениях и о текущих вопросах.

В 12 часов мы шли на доклад к его императорскому величеству.

Ровно в час был завтрак, продолжавшийся от половины до трех четвертей часа. Около половины четвертого я был опять в своем кабинете. В восемь часов мы обедали, и затем, после полуторачасового перерыва, работа продолжалась до двенадцати или до часу ночи.

Это однообразие редко нарушалось. Даже в течение четырех или пяти дней, которые я находился в отпуске во время войны, я не был свободен от служебных дел.

Со всеми частями фронта и со ставками союзников я был соединен телефонами и телеграфами. Армии при-

сылали утром и вечером срочные донесения, а об особых событиях доносили немедленно.

Начальник полевого телеграфа на Восточном фронте, полковник Леман, а позднее начальник полевого телеграфа всех армий генерал-майор Гессе помогали мне предусмотрительно и надежно. Телеграфные части штаба главнокомандующего Восточным фронтом под командой капитана Маркау и полевая телеграфная дирекция под управлением почтового советника Онезорге, обслуживавшие связь, работали прекрасно.

С одной стороны, было необходимо отдавать себе ясный отчет во всех событиях на огромных фронтах, а с другой стороны, надо было взять на себя огромное бремя — непосредственно чувствовать биение пульса боя. Высшее командование должно было немедленно узнавать о всех важных событиях; слишком часто, при недостатке резервов, приходилось непосредственно принимать чреватые последствиями решения.

Общее руководство операциями, заботы об армии и о военном напряжении родины занимали первое место среди других проблем. Военно-политические программные вопросы стояли на втором плане.

Часы занятий заполнялись личной работой, докладами подчиненных мне начальников отделений и управлений и переговорами.

Я с особым удовольствием и удовлетворением вспоминаю совместную службу и товарищескую жизнь как в моем штабе на востоке, так и в ставке.

При огромной нагрузке в работе и при тяжелой ответственности, выпавших на меня, я мог использовать как сотрудников только людей прямых и с инициативой; я требовал, чтобы они без утайки высказывали мне свое мнение, что они делали подчас вполне откровенно. Наша совместная работа была основана на взаимном личном доверии. Мои сотрудники гордо и надежно были преданы мне. Они были моими самоотверженными и самодеятельными помощниками, проникнутыми высоким чув-